

не менее все согласны, что отступление христиан было делом измены. Анонимный писатель «Деяний Людовика VII», сам очевидец, уверяет, что вожди Дамаска тайно подсылали к баронам Сирии, обещая им великие сокровища, если они только согласятся убедить короля Франции оставить место, занимаемое армией. «Эти бароны, имен которых история не желала произносить», говорит автор, чтобы спасти их потомство от стыда подобных воспоминаний, советовали Людовику перейти на другую сторону Дамаска. О горе! Их совет был принят». По свидетельству одного восточного историка, король Иерусалимский принял от жителей Дамаска значительные суммы, но он был обманут осаждавшими, которые доставили ему свинцовую монету, покрытую листовым золотом.

Некоторые из латинских хроникеров вишат при этом случае корыстолюбие тамплиеров; другие высказывают свои подозрения относительно Раймунда, князя Антиохии, который горел мстью против короля Франции. Вильгельм Тирский, оплакивая отступление христиан, излагает с беспристрастием те различные суждения, которые произносились по поводу этого события; одни, говорит он, приписывали его духу зависти и соперничества, который воодушевлял вождей христианской армии; другие думали, что многие князья и бароны позволили подкупить себя и что Бог в наказание им обратил в негодный металл те деньги, которые они получили за свою измену христианскому делу. Изложив таким образом различное показание современников, славный историк Иерусалимского королевства сознается, что, тем не менее, он не мог открыть истины, и кончает свой рассказ воззванием к правосудию Божию против неизвестных виновников столь тяжкого преступления. При этом будет не лишне сделать одно замечание, которое может прилагаться ко многим событиям истории, а именно, что в несчастных обстоятельствах хроникеры служат почти всегда выражением чувствующий толпы, а толпа всегда склонна верить, что там есть измена, где войско побеждено. Весьма вероятно, что предводители крестоносной армии имели для ос-

тавления своего предприятия другие побуждения, а не те, которые им приписываются хрониками; ибо если было справедливо утверждать, что христианские князья уступили советам, вероломство которых не трудно было открыть и что, вследствие этих советов они были доведены до того, что отчаивались в успехе, то в таком случае следует более изумляться их простодушной доверчивости, нежели измене, которой они были игрушкой и вместе жертвой.

После такой несчастной попытки надобно было отчаяться в успехе этой войны; на совете вождей предложили осаду Аскалона; но умы были огорчены, мужество утрачено. Германский император думал об одном возвращении в Европу, где Папа, чтобы утешить его в неудачах, дал ему титул защитника Римской церкви. Король Франции оставался в Палестине почти целый год; но он обнаруживал в это время одно благочестие пилигрима. С этой эпохи, говорит Вильгельм Тирский, христианские государства в Азии шли быстро к своему падению. Мусульмане научились не бояться более западных князей, и даже те, которые прежде едва осмеливались защищаться против франков, не колебались более объявлять им войну. Крестоносцы по возвращении в Европу преувеличивали вероломство греков, силы мусульман, измену сирийских христиан; их рассказы поселяли отчаяние или равнодушие во всех странах, где христианские колонии Востока находили до того времени защитников для себя.

Первый крестовый поход был описан огромным числом современных историков. Второй имел только трех; и по страпости, достойной замечания, все трое прерывают свой рассказ на самой середине событий и едва говорят о конце похода, приготовления к которому были ими описаны подробно, как будто они боялись открыть перед светом неудачи христианских подвижников. Их молчание может, по крайней мере, дать нам понятие, которое составляли в то время относительно этого Крестового похода.

Во втором крестовом походе неудачи христиан не были искуплены никакой славой. Предводители повторили ошибки Готфрида и его подвижников: они, как и их пред-